

Мо Цзиншэнь вошел в отель и сразу же приказал одному из сотрудников вызвать врача. Затем он тяжело втащил ее в лифт, прижав к стеклянной стенке лифта. Как только двери закрылись, он крепко прижал ее к стене и, стиснув зубы, спросил: "Цзи Нуань, разве я не говорил тебе не двигаться?".

Его ледяной голос был острым, как нож; в нем больше не было обычного безразличия. Было ясно, что он уже потерял терпение.

Спина Цзи Нуань больно ударилась о стеклянную стену. Ее запястье также оказалось в его болезненном захвате.

Она стояла на своем месте и молчала.

Да, он говорил. Он сказал ей не двигаться.

После этого он даже зарычал на нее, чтобы предупредить: Не двигайся.

Он повторил это несколько раз, но она все равно пошевелилась.

Потому что в это мгновение двое похитителей уже направили на него свои пистолеты. Они собирались убить его.

Ей больше не нужен был этот человек, но это не значит, что она никогда не любила его.

Она не могла смотреть, как он умирает.

Его спина и шея уже были испещрены шрамами. Она не хотела, чтобы он пострадал еще больше, и поэтому бросилась вперед, надеясь отобрать у них оружие.

Правда, у нее не было особых способностей. Она была не очень способной, и шансы у нее были не очень высоки. Но она все равно двигалась. В результате она создала ему еще больше проблем. С самого начала Мо Цзиншэнь планировал сотрудничать с полицией, позволив им преградить им путь по Прибрежной дороге. Однако из-за нее он прямо врезался на машине в океан.

Она была ранена и разозлила похитителей. Она чуть не погибла в их руках.

Гнев уже сжег все рациональные способности Мо Цзиншэня. Ее молчание не смогло погасить гнев. Наоборот, оно еще больше разожгло его. Он схватил ее за плечо смертельной хваткой и, когда лифт остановился, подтащил к комнате, открыл дверь и втолкнул ее внутрь.

Шаги Цзи Нуань были неуверенными, пока он заталкивал ее в ванную.

Лейка душа была направлена на нее. Он нажал на кран, и ледяная вода резко хлынула вниз, обливая ее.

Цзи Нуань не сопротивлялась. Вода постепенно нагрелась до нужной температуры, согревая ее ледяное тело. По мере того, как ее тело восстанавливало тепло, запах прикосновений двух похитителей также смылся. Кровь на коже головы также была смыта, но внезапно ее сердце словно раскалилось добела.

Мужчина стоял под водой вместе с ней, его промокшая рубашка прилипла к телу. Он жестоко и с силой взял ее за подбородок, заставляя встретиться с ним взглядом. "Я планировал за три года изменить траекторию твоей жизни, чтобы ты жила в достатке, а не посылала себя на

смерть так беспечно!"

Мужчина на ее глазах резко выплюнул эти слова, каждое из которых больно ударило в сердце.

Цзи Нуань смотрела на него расширенными глазами. Казалось, будто в ее сознании наконец-то соединились какие-то несоединимые сомнения. Она в оцепенении смотрела на мужчину, стоявшего перед ней. Сверху продолжала литься вода. Ее расширенные глаза смотрели на покрасневшего мужчину. Казалось, что ее кровь застыла.

То, как умер Су Чжилань, было идентично тому, что она видела в прошлой жизни. После исчезновения Цзи Мэнграна она была продана торговцам людьми и едва не лишилась жизни. В прошлой жизни все ее тяжелые переживания были связаны с этими двумя людьми. А в этой жизни все болезненные пути, которые она прошла ранее, были насильно переложены на них...

Первоначальная траектория жизни, развод, возвращение туда, куда ей нужно было вернуться?

Новая жизнь, новая траектория?

Это ли он имел в виду?

Так ли это?

Мужчина крепче сжал ее подбородок. "Я должен был остановить твоё возвращение. Я должен был использовать самые ядовитые, самые болезненные слова, чтобы напасть на тебя! Неважно, что твоё сердце будет полностью разбито, лишь бы ты полностью сдалась и покорно прожила свою новую жизнь счастливо!

Лишь бы ты перестала появляться у меня на глазах!"

После того, как она чуть не умерла, глаза Мо Цзиншена окрасились в красный цвет от страха и гнева.

Не то чтобы Цзи Нуань никогда не видела, чтобы он терял контроль над собой.

Но она никогда не видела, чтобы он терял контроль над собой таким образом.

Разве он не был всегда спокоен?

Это его проклятое самообладание.

Я был готов страдать всю разлуку, даже если бы это означало, что ты будешь ненавидеть меня всю оставшуюся жизнь. Лишь бы ты научилась жить самостоятельно, лишь бы тебе было хорошо, я был согласен на все. Но почему ты должен был вернуться?"

Поливальная машина постепенно расширялась. По мере того как воды становилось все больше, Цзи Нуань вдруг перестала видеть его сквозь водяную завесу. Она стояла под водой, словно замороженная, позволяя теплой воде смыть лед с ее тела.

Мо Цзиншэнь был полон гнева, и ему некуда было его выплеснуть. При виде того, как она безучастно стоит под водой, его чувства окончательно угасли.

Одной рукой он подтащил ее к себе и прижал к ледяной стене за водой.

"Ты никогда не научишься быть послушной, да? Ты никогда не научишься дорожить

собственной жизнью, да? Чего ты хочешь от меня? Цзи Нуань, что еще ты хочешь от меня?"

Он стиснул зубы, его дыхание тяжело падало на ее лицо. Его глаза покраснели, а все тело дрожало.

Никогда еще он не выглядел таким жалким.

Неважно, когда они были в Камбодже, или когда он чуть не погиб в автокатастрофе. Он никогда не выглядел таким жалким.

Слои страдания и терпимости отслаивались с каждым словом, как будто с него снимали внешнее, безжалостное притворство. Но в ее словах была и правда. Прошрое осталось в прошлом, и теперь все было совсем по-другому. Она даже не хотела знать о причинах, побудивших его жестоко настаивать на разводе.

И что, если бы она узнала об этом?

Он приготовился к жизни в одиночестве. Лишь бы он мог наблюдать, как она живет в достатке, как она взрослеет, становится сильнее и неуязвимее. Лишь бы она не умерла внезапно в тридцать лет, как когда-то, и не исчезла из-за перемен в жизни. Все, чего он хотел, это чтобы она жила спокойно и безопасно.

Однако она упорно продолжала появляться перед его глазами снова и снова. Она делала невозможным для него терпеть, что заставляло его снова и снова терять контроль над собой. Она вызывала в нем желание приблизиться, но он не знал, как вернуть женщину, которую когда-то лично обидел.

Он хотел вернуть то, что потерял, но знал, что она уже была ранена до такой степени, что почти не испытывала к нему никаких чувств.

Впервые в жизни Мо Цзиншэнь не знал, что с ней делать. Он был беспомощен.

Шум душа постоянно звучал в ушах. Цзи Нуань смотрела на него ясными глазами. Она открыла рот, но не могла говорить. Наконец, она улыбнулась, изгиб ее губ постепенно углублялся.

Она выглядела спокойной, но ее глаза были прикованы к нему. Она не кричала, не выражала ни гнева, ни страха, ни растерянности. С покрасневших глаз по ее щекам постоянно скатывались капельки воды. Было непонятно, плачет она или улыбается.

Словно кто-то нанес болезненный удар по голове Мо Цзиншэня, и в его сознании оборвался нерв.

Как будто его рациональность была полностью разрушена.

Глаза мужчины покраснели. Он резко наклонился и резко поцеловал ее.